

Аюпова Роза Алляметдиновна, Сахибуллина Кадрия Азатовна

ОЦЕНОЧНЫЙ КОМПОНЕНТ ЗНАЧЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ И ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТОМ ОРНИТОНИМОМ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО, ТАТАРСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

Данная работа посвящается исследованию фразеологических и паремиологических единиц с компонентом орнитонимом в английском, татарском и русском языках. Основное внимание уделяется изучению оценочного компонента значения. Предпринимается также попытка установить причину наделения исследуемых компонентов орнитонимов - названий домашних птиц - положительной или отрицательной оценочностью.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/4-3/5.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 4 (34): в 3-х ч. Ч. III. С. 28-31. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/4-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

WORD MEANING AS WAY TO CONCEPTUALIZE REALITY (BY EXAMPLE OF YAKUT WORD “СИР”)

Afnas'eva Evdokiya Nikolaevna, Ph. D. in Philology
Polytechnic Institute (Branch) of North-Eastern Federal
University named after M.K. Ammosov
lukow@mail.ru

The article presents the results of analysis of etymology, the dictionary definitions, the lexical, semantic, phraseological and syntactic combinability of the Yakut word –сир” - "ground, earth". The basic and additional characteristics of the word meaning are emphasized; they form the concept of the earth according to the data in the language. Cumulative property of the meaning, syntagmatic relations of language representatives contribute to the reconstruction of conceptual image of the world.

Key words and phrases: lexical meaning; syntagmatic relations; word-combination; combinability; way of conceptualization.

УДК 81-22

Филологические науки

Данная работа посвящается исследованию фразеологических и паремиологических единиц с компонентом орнитонимом в английском, татарском и русском языках. Основное внимание уделяется изучению оценочного компонента значения. Предпринимается также попытка установить причину наделения исследуемых компонентов орнитонимов – названий домашних птиц – положительной или отрицательной оценочностью.

Ключевые слова и фразы: фразеологические и паремиологические единицы; символическое значение; положительное оценочное значение; компонент орнитоним; отрицательное оценочное значение.

Аюпова Роза Алляметдиновна, д. филол. н., доцент
Сахибуллина Кадрия Азатовна
Казанский (Приволжский) федеральный университет
rayupova@yahoo.com; kadria85@yahoo.com

**ОЦЕНОЧНЫЙ КОМПОНЕНТ ЗНАЧЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ
И ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТОМ ОРНИТОНИМОМ
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО, ТАТАРСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)[©]**

Язык каждого народа хранит бесценную информацию о нем, о его культуре, истории и быте. Более того, при помощи языка люди передают опыт, накопленный ими веками, следующим поколениям. Время может уничтожать всё – города, здания и другие предметы материальной культуры, однако информация о них хранится в языке. В осуществлении данной функции языка велика роль таких единиц как фразеологизмы, пословицы и поговорки. Именно по этой причине сопоставительное изучение фразеологии и паремиологии неродственных языков остается одним из актуальнейших направлений современной лингвистики.

Целью данного исследования является сопоставительное изучение английских, татарских и русских фразеологических и паремиологических единиц (далее ФиПЕ) с компонентом орнитонимом и выявление общих и отличительных признаков данных единиц в анализируемых языках. В ходе исследования также будет предпринята попытка установления причин наделения отдельных компонентов-орнитонимов положительной или отрицательной оценочностью.

Орнитоним, который содержится в ФиПЕ, как правило, является символом. В *on-line* словаре *Merriam-Webster* данный термин определяется следующим образом: –something that stands for or suggests something else by reason of relationship, association, convention, or accidental resemblance; especially: a visible sign of something invisible” [15] (то, что заменяет или подразумевает что-то другое как результат взаимодействия двух предметов, ассоциаций, условности или случайного сходства между ними; видимый знак чего-либо невидимого (*перевод наш – Р. К., К. А.*)). Как видно из определения, авторы словаря выделяют ассоциации и сходство между предметами в качестве основы для существования какого-либо символа. Российский лингвист В. П. Жуков также считает, что основанием для употребления лингвистического знака в символическом значении являются «устойчивые семантические ассоциации» [5, с. 121].

Птицы всегда привлекали внимание людей своей способностью летать в небе. Как существа крылатые, небесные, птицы прежде всего символизируют небо и всё, что с ним связано: подъём, отрыв от земли, взлет, солнце, ветер, облака, свободу, жизнь, вдохновение, пророческий дар и т.д. Будучи небесными, следовательно, близкими к божествам тварями, птицы символизируют человеческую душу. «Славянские народности приписывали птицам общепринятый художественно-поэтический образ, под которым представлялись ветер, облака, молнии и свет. Названия разных птиц олицетворяли также небесные грозы и бури» [16].

Материалом нашего исследования стали английские, татарские и русские ФиПЕ с компонентом орнитонимом. Наиболее часто употребляемыми компонентами в составе подобных языковых единиц являются следующие орнитонимы: в английском языке: *duck (утка), cock (петух), crow (ворон), goose (гусь), turkey (индюк), chicken (цыпленок), swallow (ласточка), lark (жаворонок), hen (курица) и др.*; в татарском языке: *каз (гусь), тавык (курица), этэч (петух), карга (ворона), чыпчык (воробей), күркә (индюк), ябалак (сова), күке (кукушка), сандугач (соловей)*; в русском языке: *курица, гусь, утка, воробей, ворон, ворона, жаворонок, сова, голубь* и др. Очевидно, что большинство используемых орнитонимов – это названия домашних птиц и птиц, которые обитали недалеко от жилища человека. Поэтому человек имел возможность наблюдать за ними и не только накопил знания об их поведении и предпочтениях, но и мог охарактеризовать каждую из них. В данной работе рассматриваются ФиПЕ с компонентом названием домашней птицы.

Орнитоним УТКА (ҮРДӘК, DUCK). В Древнем Египте, еще в 1500 году до н.э. утки «являлись предметом изобразительного искусства. Многие сюжеты картин, в том числе и в искусстве Востока, намекают на некое эротическое значение изображения уток. Так, в древнегреческом искусстве бог любви Эрос (см. Амур) или девушка изображались с уткой»^[Там же]. Но что касается ФиПЕ в английском, татарском и русском языках, в них чаще всего внимание уделяется внешним чертам и поведению этой птицы. Более того, данные ФиПЕ несут отрицательное значение. К примеру, в русском и в некоторых диалектах татарского языка есть пословицы и поговорки, в которых подчеркивается прожорливость утки: *Глупа утка и прожорлива* [12], *үрдәк кебек ашый* [6] (ест, как утка). В татарском языке утка чаще представляется как болтливая, не умеющая держать язык за зубами: *сәр тотмас үрдәк* [7] (человек, который не умеет хранить секреты); *үрдәк телен ашаган* [6] (болтун). В английском языке данный компонент также употребляется в единицах с отрицательной оценочностью, так как утка воспринимается как медленная, не расторопная птица: *A sitting duck* [13] (легкая добыча), *play duck and drakes with something* [18] (тратить что-то зря).

ГУСЬ (КАЗ, GOOSE) символизирует упорядочивание женского и домашнего жизненного пространства, что можно наблюдать в следующих единицах татарского языка: *ата-аналы казга унике бәбкә дә аз* [7] (паре гусей и дюжины гусят мало); *яхшы каз оясын пычратмас* [Там же] (хороший гусь свое гнездо не пачкает); *утыра торган каз кебек* [6] (человек, который все выполняет тщательно). Это животное также символизирует болтливость, что восходит к легенде о св. Мартине, воспротивившемся обречь себя на монашескую жизнь и скрывшемся в гусином хлеву, его выдал гогот встревожившихся гусей. Например: *Кыйкылдак каз* [Там же] (хвастун); *әжем казы* [Там же] (человек, который не умеет плавать). Ряд ФиПЕ английского и русского языков свидетельствуют об использовании образа данной птицы для выражения глупости, например: *As stupid as a goose* [8] (глупый, как гусь); *Wild goose chase* [13] (бессмысленная, тщетная погоня); *Гусь свиные не товарищи* [12] (данное выражение употребляется в отношении людей, совершенно разных по мировоззрению, характеру или общественному положению); *Один гусь поля не вытопчет* [Там же] (один человек не может ничего изменить).

Таким образом, в английских ФиПЕ «гусь» имеет отрицательное значение, хотя в татарском языке он может нести и положительное значение. Возможно, это связано с той ролью, которую играла эта птица в домашнем хозяйстве данного народа. Гусятина всегда являлась важным и ценным ингредиентом многих блюд татарской кухни, гусиные перья находили самое разное применение в хозяйстве.

КУРИЦА (ТАВЫК, HEN) олицетворяет воспроизводство, материнскую заботу. В ФиПЕ с данным компонентом в английском, татарском и русском языках чаще описывается характер и поведение человека, причем в большинстве случаев отрицательные. Наряду с другими домашними животными, курица всегда символизировала обывателей. Например, это можно наблюдать в следующих пословицах: *на своем пепелище и курица бьет* [Там же] (каждый храбр на своей территории); *дүрт аяклы тавык юк* [7] (не бывает необычных вещей); *a hen party* [18] (девичник, собрание женщин). В сознании европейцев преобладает представление о «глупой курице»: *слепой курице всё кажется пшеницей* [12] (глупый человек не может оценить что-либо, все ему кажется лучше, чем есть на самом деле); *кысыр тавык күп кытаклы* [7] (шуметь попусту). В западном фольклоре мистификация связывалась с образом Черной и Белой Курицы. Черная курица является символом дьявола, черных сил, а белая – символом счастья. Считалось, что белая курица несет добро: *son of the white hen* [18] (счастливый человек).

ПЕТУХ (ӘТӘЧ, COCK). В Древнем Египте и в большинстве традиций основой мифологического образа этой птицы является его связь с солнцем, подобно которому петух «отсчитывает» время, возвещая о начале дня. В ФиПЕ английского, татарского и русского языков отразились разные значения орнитонима *петух*. В татарских и русских пословицах образ петуха изображается в виде драчливой, хвастливой птицы. Эти народы негативно относятся к хвастливым, высокомерным людям, поэтому ФиПЕ с данным компонентом имеют отрицательную оценочность: *драчливый петух своей смертью не умрет* [12] (человек, который часто вступает в конфликты, рано или поздно и сам пострадает); *растопырился как петух* [Там же] (используется по отношению к человеку, который хочет себя показать); *этэч үз чүплегендә патша* [7] (петух – хозяин на своей мусорной куче); *вакытсыз кычкырган этэчне суен ашыйлар* [Там же] (не нужно болтать в неподходящее время). В английских пословицах же петух птица смелая, и этот орнитоним несет в себе положительную символику. Возможно, это связано с эгоцентричностью англоязычной личности, которая считает нужным уметь показывать свои преимущества. Например: *cock of the walk* [13] (заходила, атаман); *live like a fighting cock* [18] (жить хорошо). Однако носители татарского и русского языков убеждены, что «скромность украшает человека».

ИНДЮК (КҮРКӘ, TURKEY) – символ агрессии, злобы, чаще всего необоснованной, «глупой». Отсюда выражение: *надулся как индюк* [12]; *күркә кебек кабарынган* [7] (взъерошенный, раздраженный человек). В ряде традиций эта птица является символом глупости, высокомерия, напыщенности, всего показного. Эти качества воспринимаются отрицательно почти у всех народов, поэтому ФиПЕ с данным компонентом негативно оценивают поведение человека. Например, *ничего не жди от индюка, который думает, что он орел* [12] (человек, который о себе слишком высокого мнения, может ничего не стоить, так что не нужно ждать от него великих дел). У татар индюк мог также являться знаком благополучия и богатства: *курше авылның куркәсе, үз авылыңның үрдәге* [7]; *куришенен тавыгы да куркә булып куренә* [Там же] (чужое всегда кажется лучше). Но это уже связано с сельским хозяйством. Мясо индюка считалось дорогим мясом и не было доступно каждому, держать этих птиц у себя в хозяйстве также мог далеко не каждый. Люди, которые держали индюков, считались благополучными. У англоязычного народа существует фразеологическая единица *to talk turkey* [13; 18; 19], которая согласно словарю *American Idioms: The English of the New World*, изданному в 1872 году, означает “Talk in a silly, foolish way” [19], т.е. вести глупые разговоры. В словаре *Dictionary of American Slang and Colloquial Expressions*, опубликованном в 2000 году, данная фразеологическая единица определяется следующим образом: “To talk serious business, to talk frankly” [18] (говорить по делу, говорить откровенно). Данный пример свидетельствует о возможном изменении оценочности фразеологической единицы; возможно, подобное обстоятельство связано с изменениями в самом обществе, в котором отношения к каким-либо явлениям могут быть пересмотрены.

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать следующие выводы:

1. Частота употребления орнитонимов – наименований домашних птиц в составе ФиПЕ в трех языках не совпадает.
2. Наименования птиц в составе ФиПЕ являются образами-символами; эти символы могут быть наделены как положительной, так и отрицательной оценочностью. Компонент-орнитоним, реализующий в паремиологии одного языка положительно оценочное значение, может восприниматься отрицательно в другом. Например, как орнитоним «*петух*» в татарском, русском и английском языках.
3. Один и тот же компонент-орнитоним во фразеологии и паремиологии определенного языка может иметь как положительно оценочное, так и отрицательно оценочное значение.
4. Наименование одной и той же птицы в составе ФиПЕ определенного языка может быть употреблено как компонент, несущий отрицательное или положительное значение. Например, орнитоним «*гусь*» в составе ФиПЕ татарского языка.
5. Наделение компонента-орнитонима положительной или отрицательной оценочностью во фразеологии и паремиологии одного или разных языков зависит от того, какому качеству данной птицы в каждом конкретном случае уделяется особое внимание и как это качество оценивается в данной языковой культуре.
6. Оценочный компонент ФиПЕ может подвергаться изменению в ходе развития языка и языкового общества.

Список литературы

1. Арсентьева Е. Ф. Сопоставительный анализ фразеологических единиц, семантически ориентированных на человека в английском и русском языках. Казань: Издательство Казанского государственного университета, 1989. 126 с.
2. Ахунзянов Г. Х. Идиомы (исследования на материале татарского языка): дисс. ... д. филол. н. Казань, 1973. 484 с.
3. Аюпова Р. А. Фразеологическая эмотивность в лексикографическом описании и контексте // Известия Российского государственного университета им. А. И. Герцена. Общественные и гуманитарные науки. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2008. № 11 (66). С. 21-27.
4. Дарзаманова Г. З. Фразеологические единицы и поговорки с антропонимами в русском, татарском и английском языках: дисс. ... к. филол. н. Казань, 2002. 174 с.
5. Жуков В. П. Семантика фразеологических оборотов. М.: Просвещение, 1978. 160 с.
6. Исәнбәт Н. Татар телендә фразеологик сүзләге.: 2 томда. Казан: Татар китап нәшр., 1989. 495 б.; 1990. 365 б.
7. Исәнбәт Н. Татар халык мәкальләре: I том. Казан: Тат. кит. нәшр., 1959. 914 б.
8. Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь. Ок. 5000 единиц. 7-е изд-е, стереотип. М.: Рус. яз. – Медиа, 2006. XII+571+9 с.
9. Маккей А., Ботнер М. Т., Гейтс Дж. И. Словарь американских фразеологизмов. СПб.: Лань, 1997. 464 с.
10. Пименова Н. Д. Сопоставительный анализ фразеологических единиц с компонентом орнитонимом в английском и турецком языках: дисс. ... к. филол. н. Казань, 2002. 294 с.
11. Сафина Э. И. Основные принципы и способы номинации птиц в татарском языке // Вестник ТГГПУ. 2007. № 1 (8). С. 7-10.
12. Яринцев Р. И. Русская фразеология: словарь-справочник: ок. 1500 фразеологизмов. 4-е изд-е, стереотип. М.: Рус. яз. – Медиа, 2006. 894+2 с.
13. Ammer C. The American Heritage Dictionary of Idioms. 2nd ed. Boston: Houghton Mifflin Harcourt Publishing Company, 1997. 729 p.
14. <http://english.stackexchange.com/questions/64733/why-do-we-talk-turkey> (дата обращения: 17.03.2014).
15. <http://www.merriam-webster.com/dictionary> (дата обращения: 17.03.2014).
16. <http://www.symbolarium.ru> (дата обращения: 17.03.2014).
17. <http://www.symbolsbook.ru> (дата обращения: 17.03.2014).
18. Oxford Dictionary of Idioms / J. Siefring. Oxford: Oxford University Press, 2004. 352 p.
19. Spears R. Dictionary of American Slang and Colloquial Expressions. 3rd ed. McGraw-Hill, 2000. 577 p.

VALUATION COMPONENT OF MEANING OF PHRASEOLOGICAL
AND PAROEMILOGICAL UNITS WITH ORNITHONYM COMPONENT
(BY MATERIALS OF THE ENGLISH, TATAR AND RUSSIAN LANGUAGES)

Ayupova Roza Allyametdinovna, Doctor in Philology, Associate Professor

Sakhbullina Kadriya Azatovna

Kazan Federal University

ayupova@yahoo.com; kadria85@yahoo.com

This work is devoted to the study of phraseological and paroemiological units with ornithonym components in the English, Tatar and Russian languages. The basic attention is given to the study of valuation component of meaning. Also the attempt is made to find the reason of allotting ornithonym components under the study - the names of domestic birds - to positive and negative valuation.

Key words and phrases: phraseological and paroemiological units; symbolic meaning; positive valuation meaning; ornithonym component; negative valuation meaning.

УДК 821.161.1

Филологические науки

Статья посвящена комплексному исследованию концепции человека в романах М. Елизарова. В качестве примера были отобраны такие романы как «Библиотекарь», «Pasternak», «Мультики». Особое внимание автора уделено противостоянию человечности (кстати, хорошо вооруженной) сатанинским силам, а не конфликту человека с человеком. Основное внимание в работе автор акцентирует на героях, с их амбивалентным конфликтом и их безысходностью отстаивать свои идеи, но идеи эти восходят к низкопробным идеям слабого советского писателя. Поэтому мы не можем сказать, что герои сами выбирают подвиги, во имя которых они живут, скорее всего, это влияние различных артефактов, дающих им слепую веру в происходящее.

Ключевые слова и фразы: модернизм; постмодернизм; героический эпос; елизаровский контекст; рецепция художественной прозы; метарассказ.

Безрукавая Марина Васильевна, к. филол. н.

Кубанский социально-экономический институт

Sea_pearl@mail.ru

КОНЦЕПЦИЯ ЧЕЛОВЕКА В РОМАНАХ М. ЕЛИЗАРОВА®

Концепция человека в романах М. Елизарова отличается постоянством, управляемым одним из главных авторских принципов: показывать личность, выбирающую героический путь, но не покидающую контекст, который следует признать нравственно амбивалентным или криминальным.

Схематично рассмотрим движение главных героев в романах «Pasternak», «Библиотекарь» и «Мультики». В романе «Pasternak» ключевые персонажи, независимо от разного по этическому содержанию детства, встают на вполне осознанный путь борьбы с силами, которые они считают силами сатанинскими, направленными на уничтожение самой жизни. В «Библиотекаре» юный герой, абсолютно независимый от идейных векторов человеческого существования, оказывается в кругу единомышленников, где жизнь и смерть за идею считаются единственно верным оформлением судьбы. В «Мультиках» главный герой, оказавшись в «дурной компании», попадает в детскую комнату милиции, где с ним работает некий inferнальный педагог, достигающий своей цели: трудный подросток, вставший на путь преступления, больше не занимается уголовно наказуемыми делами.

М. Елизарова часто относят к тем писателям, которые жертвуют любой формой присутствия нравственно-го начала ради постмодернистских экспериментов, предусматривающих специальный «переход границы» – отказ от классических идеалов и обращение к «сюжету преступления». Вместе с тем выявленные нами схемы этического движения героя в трех основных для автора романах показывают активизацию дидактического начала. Разумеется, это не стандартная, не каноническая дидактика. Для ее прояснения необходимо учитывать контексты ее функционирования. Но если в изучении текстов М. Елизарова задействовать архетипы верха и низа, то нельзя не признать: герои склонны двигаться именно вверх, искать правду, бороться за истину, исправлять свою жизнь в согласии с идеалом. При этом, конечно, остается вопрос о характере идеала, его, можно сказать, нарочито экстравагантной форме.

«Забавно, что «Мультики» – роман-комикс, роман-метафора, по сути являет собой классическую для русской литературы модель «романа воспитания»», – считает А. Колобродов [4]. Экстравагантность дидактического решения вопроса о человеке ярче всего проявлена в романе «Мультики». Хороший подросток Герман Рымбаев, покинув «маленький Краснославск», вместе с родителями переехал в «большой город, где есть метро и оперный театр». Благодаря «рельфным мускулам», приобретенным еще в провинции, Герман свободно входит в группу местных хулиганов-гопников, занимает в ней свое прочное место и начинает принимать участие в акциях по криминальному добыванию денег у граждан, встречаемых в темных подворотнях.